

Юджин-Рипун І. Н.,
доктор мистецтвознавства, член-корреспондент
Національної академії мистецтв України,
заведуючий відділом театрознавства
Інститута мистецтвознавства, фольклористики та етнології
Національної академії наук України

ГЛАГОЛЬНА СЕМАНТИКА І СЦЕНАРНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ПОВІСТВОВАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА

Анотація. Расслоение глаголов по степени обобщенности обуславливает продуктивность комплетивных словосочетаний как знаков ситуаций. В устойчивых словосочетаниях глагол может элиминироваться, передавая предикативные функции дополнению и обстоятельству. В перспективе повествования глагольные словосочетания обозначают мотивы, обладающие аспектами, которые определяют ход действия и сами при этом изменяются.

Ключевые слова: семантический синтаксис, местоглаголие, аспектология, грамматикализация, идиоматизация, словосочетание, ситуация, словесная маска.

Постановка проблемы. Задачи содержательного описания глаголов возникли в связи с исследованиями семантики синтаксиса в последней трети XX века, когда предметом внимания стала взаимосвязь лексического и грамматического значений. Обнаружилась, в частности, неудовлетворительность описания значений глаголов в толковых словарях: «... если отвести контекстные элементы, глаголы оказываются определенными просто другими глаголами, которые очень часто отнюдь не являются даже их семантическими эквивалентами» [1, с. 53]. Такие трудности описания коренятся в том, что «у глаголов гораздо менее определенная семантика», что влечет такую парадоксальную ситуацию, когда «самыми «полисемантическими» оказываются, как ни странно, семантически наиболее опустошенные глаголы» [1, с. 56–57]. Это позволило увидеть «тенденцию многих глаголов к десемантизации и, следовательно, к грамматикализации», когда «абстрактное значение какого-либо глагола ... является предпосылкой его грамматикализации» [1, с. 57–58].

Теория грамматикализации, развившаяся на основе разработки семантического синтаксиса, связана и с исследованиями языков изолирующего строя, где, как в китайском языке, отсутствуют морфологические показатели частей речи и само существование глагола вызывает сомнения [17, с. 7–8], а для вычленения их используется критерий устойчивых сочетаний морфем [17, с. 176]. Возможности отнесения речевых единиц к классу глаголов здесь определяются из того, что «сочетаемость глагола с постпозитивным компонентом ... задает аспектуальную принадлежность глагола», причем, хотя «к ним в большей мере применимо понятие грамматикализованности ...», эти показатели ... не являются опустошенными грамматическими формами. Они дополняют глагол собственными лексическими значениями» [11, с. 339]. Зависимость глагольных свойств от сочетаемости приводит, в частности, к проблеме определения первичных, коренных глаголов, в противоположность производным, отыменным глаголам (деноминативам). Возникают проблемы единства лексических и грамматических свойств глагола, контекстных и словарных компонентов значения.

Изложение основного материала исследования. Отправной точкой в современных исследованиях глагольной семантики стало открытие так называемого местоглаголия (впервые описано Л.Н. Засориной, 1965). Местоглаголие, или местоименный предикат «генетически восходит к словам с неопределенной семантикой, употребляется в качестве эвфемизма [9, с. 109]. Его типичным примером является разговорное выражение *того* – например: – *Ну-те-с, временно, а как же и того?* / – *Вы хотите сказать, как я буду устроиваться с моей действительной невестой?* (М.М. Пришвин «Кашеева цепь»). Вопросы местоглаголия, в свою очередь, входят в круг более широкой проблемы обобщения и специализации значений.

Различают по меньшей мере три уровня обобщенности глаголов, где местоглаголие занимает срединную позицию: «Максимальной степенью обобщенности ... характеризуются предикаты, выполняющие дескриптивную функцию: например, предикат *бежать*, в отличие от *производить действие*, включает сигнификативную характеристику ... «быстро перебирая ногами, перемещаться каком-либо направлении» ... Следующему уровню абстрактности ... соответствуют «местоглаголие» типа *сделать это*, ср.: *Вчера кто-то из учеников разбил окно на первом этаже. Кто сделал это?* Предикат *сделал это* обозначает конкретное действие, упомянутое в речи ... . Наконец, ... с наименее обобщенным значением ... в высказывании *Навстречу нам бежит Иван* предикат *бежит* ... обозначает конкретное однократное наблюдаемое действие» [4, с. 64]. Такое расслоение глаголов по обобщенности имеет решающее значение для определения смысла высказывания и его истинности.

Например, высказывание *Этот студент поет* может означать *Этот студент занимается пением* и *Этот студент в данный момент поет*. Сравнение предложений типа *Отец не был на море / Отца не было на море* позволяет утверждать о наличии двух типов глагола бытия с различными значениями. Это различие «касается то временной позиции наблюдателя (временной перспективы), то его местоположения» [8, с. 41]. Противопоставление генерализации и специализации соотносится с процессом грамматикализации и противоположно направленным процессам лексикализации. Как известно, «в ходе грамматикализации языковой единицы происходит генерализация значения», причем «именно семантическое расширение играет ключевую роль в этом процессе» [6, с. 40]. Напротив, с возникновением словосочетаний обобщенность значения преодолевается и свершается противоположный процесс: «Лексикализация сочетания подразумевает его идиоматизацию» [6, с. 66].

Между тем это расслоение вдоль оси «грамматикализация – идиоматизация», представляющееся вполне обычным,

влечет за собой ряд парадоксальных следствий. Прежде всего, речь пойдет об отыменных глаголах, деноминативах, которые обычно представляют процесс специализации, сужения значений. Деноминативы, как правило, равнозначны комплетивным сочетаниям иных глаголов с дополнением, например, *окаменеть = стать камнем, столоваться = пользоваться столовой, умнеть / глупеть = становится умнее / глупее*. В таких словосочетаниях, эквивалентных деноминативам, глагол обладает более высокой степенью обобщенности, а специализация значения определяется дополнением.

Изучение таких глагольных словосочетаний привело к созданию известной «падежной грамматики» Ч. Филлмора, где дополнения представляются носителями заданного набора семантических ролей, частично пересекающихся с известной классификацией обстоятельств. Предполагаемая заданность такого описания стала обоснованием представления семантики глагола при помощи фреймов, где его сочетаемость определяется выбором в уже установленном наборе возможностей. Однако недостатки такого подхода очевидны уже в беспроблемности, где ответы заранее ограничены таким набором. Кроме того, здесь освещается только контекстная семантика, тогда как внутренне присущие глаголу выразительные возможности остаются без внимания. Поэтому как альтернатива методу фреймов сложилась ситуационная концепция глагольной семантики.

В ней предложено рассматривать глаголы как особые обозначения действий в заданных ситуациях. Если «глаголы – это компактные наименования ситуаций» [12, с. 63], как бы заключающие в себе кодификацию возможных сцен, то тем самым охватывается только часть выразительных возможностей глаголов, сводимая к описанию фреймами, тогда как остаются без внимания категории лица, вида, времени. Поэтому характеристика ситуации дополняется через «комплементарные аргументы, указывающие на объекты» и «указывающие на обстоятельства», так что в итоге «объединение глагольных словоформ в единую номинатему осуществляется на основе ... метафоры, интерпретирующей ... действие и состояние» [12, с. 63–64], что вполне созвучно театральным представлениям о «кусках жизни» как элементах действия. Глагольную семантику тогда можно представить как обозначения мотивов (действий в ситуациях), предполагающие аспекты действия и ракурсы наблюдения.

Продуктивность такого подхода видится в том, что сама ситуация рассматривается как проблема, а не как данность, как конфликты и альтернативы, связанные с самой глагольной номинацией. Ситуация характеризуется, прежде всего, глагольным словосочетанием, причем особенно адекватны задачам ситуационного представления именно устойчивые словосочетания. Однако именно здесь и заложен основной парадокс: общеизвестно, что как раз глагольный компонент таких сочетаний оказывается либо факультативным и заменимым синонимами, либо же вообще подвергается эллипсису, устраняется и только подразумевается. Так, *в душу* можно не только *залезть*, но и *пробраться, прокрасться, прошемыгнуть*; речь можно *отрезать как ножом* или *отрубить*. Особенно распространены глагольные эллипсисы в пословицах: *седина в голову (*проникает)*, *бес в ребро (*ударяет)*; *на всякого мудреца довольно простоты (*имеется)*. Таким образом, хотя словосочетание образуется из распространения глагола, на его основе, но актуальным предикатом, ремой тут становится именно комплетивный компонент – дополнение или обстоятельство. Выполнив свою миссию по созданию словосочета-

ния, глагол утаивается и становится великим подразумеваемым, стоящим за обозначением конкретных ситуаций. Глагол вовлекает именную материал в построение речи и заряжает его, обращая в актуальные предикаты, «рематиическую доминанту» текста (по С.Г. Ильенко) [14].

Такое превращение словесного материала, объединяемого вокруг глагольной оси, становится характеристикой ситуации как представления целеполагания. Вовлеченные глаголом слова обозначают те средства, которыми опосредуется выдвижение и достижение целей. Они становятся знаками инструментария, реализующего глагольную интенцию. Организованные вокруг глагола словосочетания предстают как посредники, медиумы, моделирующие целенаправленность описываемой ситуации. Тем самым осуществляется мотивирующая миссия глагола, а соответствующие словосочетания есть основания понимать как мотивы, как силы, мотивирующие разворачивание текста.

Именно из таких мотивов складывается сценарий. Как рекомендовал К.С. Станиславский (по свидетельству С.Г. Бирман), «никогда не играйте на сцене имя существительное (я – царица, я – нищенка), никогда не играйте имя прилагательное (я – властная, я – бедная)» [2, с. 36]. В другом месте (по свидетельству К.Е. Антаровой), он высказался еще определеннее: «Вы ищите в каждом куске то содержание, которое вы можете высказать сказуемым ... самое трудное – выразить глаголом свое желание в предложенном вам для разбора куске роли» [10, с. 67]. Такая установка на глагольный материал созвучна еще одному подходу, в котором полезным оказывается понятие аспекта в театре, предложенное в 1926 г. украинским режиссером Лесем Курбасом: аспект «представляет собой нечто целое, охваченное одним углом зрения, одной комбинацией, одной фигурой, и имеет отношение к положению, соотношению частей в целом» [5, с. 96]. Это понятие удивительным образом оказывается созвучным такому разделу учения о глаголе, как аспектология.

Даже самое узкое и отвлеченное понимание аспекта как вида совершающегося действия (в частности глагольного вида) оказывается зависимым от перспективы текста, так что «... композиционно-коммуникативные функции ... высказываний целиком определяют роль каждого из них в строении текста, и эти функции никак не зависят от данной формы времени ...» [7, с. 217]. Так, в рассказе А.П. Чехова «То была она!» (1886 г.) авторская ремарка «*Три девицы, слушавшие полковника, придвинулись поближе к рассказчику*» не столько сообщает о совершенном прошлом действии, сколько обозначает ожидаемое в ближайшем будущем наступление поворотного момента в повествовании. Аспектом здесь оказывается «переход к новой ситуации», по А.В. Бондарко [3, с. 90], причем указан и предел этой ситуации – предвкушаемый сюрприз.

Аспектология, обнаруживая точки схождения с театральной практикой, открывает широкие возможности для изучения текста. Во-первых, глагол не просто обозначает действие, он еще выдвигает задачу, озадачивает, ставит адресата перед вопросом, явно раскрываемом в форме императива. Следовательно, он обозначает не просто ситуацию, но именно проблемную ситуацию, а глагольная система предстает как кодификация проблем, предполагаемых разрешимыми. Загадочное начало вносит, прежде всего, категория аспекта, принципиально изменяющаяся в перспективе текста. Например, когда в «Рудине» И.С. Тургенева в финале стоит предложение «*Наступила долгая, осенняя ночь*», то тут не просто констатируется совер-

шенное действие, но и обозначается исчерпание всей драмы героя перед завершающим эпилогом его гибели, так что аспект глагола терминальный. Смысловые преобразования подобного рода, как было нами показано, определяются перспективой повествования и являются имманентным свойством прозаического текста, открывающим возможности его переработки в сценарий [15].

Во-вторых, глагол требует категории лица, действующего или созерцающего. Тем самым он предполагает характерность, описание черт характера, персональную отнесенность, представляющую локацию и локализацию действия. В театре «физическое действие» предстает как черта характера, проявляющая глубинную суть персонажа. Вот это соединение проблемности и характерности в семантике глагола позволяет соотносить его с тем, что уже определялось нами как «словесная маска» [13]. Глагольная система представляет портретную галерею маскировки, коллекцию амплуа. Особенно отчетливо мотивирующая роль такой словесной маски проявляется в приемах несобственно-прямой речи, когда в речь рассказчика вставляются фрагменты посторонней фразеологии наподобие скрытых цитат из речи персонажей или инкогнито (голос молвы), которые направляют и обуславливают развертывание текста [16]. Представление целей и намерений голосами их персонализированных и авторизированных носителей, через категорию лица выявляет интенциональную нагрузку глагольной семантики и определяет ее мотивирующую миссию в построении текста.

Обратимся к примерам, демонстрирующим порождение в тексте мотивов сценического действия на основе глагольных словосочетаний. В перспективе текста целевое назначение, исходящее от глагола и распространяющееся на дополнения, становится определителем ситуации эпизода, его аспекта в организации целого.

Н.С. Лесков «Несмертельный Голован» (1880). Гл. 7. «Голован представлялся не чистым в каком-то отдаленном прошлом. Это оказалось вдруг, но в самых резких видах. Появилась на стогнах Орла личность, которая ни в чьих глазах ничего не значила, но на Голована заявляла могущественные права ...». Эпизод вводит в завершающую стадию жизнеописания праведника Голована. Ситуация – появление антагониста героя Фотея (как разъясняется в эпилоге, бывший муж возлюбленной Голована Павлы, считавшийся пропавшим). Используются вставные фразеологизмы голоса инкогнито – обывательского мнения, от которого рассказчик дистанцируется. Этим голосом вводится мотив НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ (НЕ ЗНАЧИТЬ В ГЛАЗАХ) как таинственность – альтернатива предшествующей глорификации героя – с мотивом ГЛАЗА (обывателей) и обывательского суждения ПРЕДСТАВЛЯТЬСЯ НЕЧИСТЫМ. Рассказчик дает постороннюю оценку как обозначение аспекта скачка в новое состояние – создание загадки. Прототип ситуации лежит в противостоянии одиночки и осуждающей молвы, засвидетельствованной приведенными автором словесными масками. Модус эпизода проблематичный – читатель ставится перед тайной, недоступной обывателям.

Н.С. Лесков «Совместители» (1881) – анекдот из жизни министра финансов графа Канкрин: застигнув у любовницы чиновника своего министерства, граф женит его на ней и обеспечивает ему карьеру. Здесь очевидно обращение к мотиву ТЕНИ (известному, например, из сказки Г.Х. Андерсена) – любовник оказывается сказочной тенью, овладевающей хозяином. Пово-

рот в событиях, ознаменованный обнаружением чиновника под столом у любовницы министра, представлен в эпизоде гл. 3: «Наблюдавший всю эту любопытную сцену офицер заметил, что Марья Степановна различила разницу посланного ей графом “*adieu*” от адресованного Ивану Павловичу “*au revoir*”, но нимало этим не смутилась». Здесь двойная рефлексия действий героини мотивирует переход к ней центра повествования, которая РАЗЛИЧИЛА и НЕ СМУТИЛАСЬ. Игра голосов – цитаты персонажа в восприятии героини, переданные через наблюдение постороннего свидетеля – вводит решающий мотив НЕВОЗМУТИМОСТЬ, которым определяется и дальнейшее развитие событий, которое излагается в дальнейшем со ссылками на бывшие эпизоды: «Она, впрочем, напомнила ему об этом “*adieu*” ...» (гл. 10), что повлекло новое объяснение, после которого, «Играя с графом на «прежних» струнах, она знала, что аккорд зазвучит так, как она того захочет» (гл. 11). Здесь уже используется голос героини в несобственно-прямой речи, которая диктует, как «ЗВУЧАТЬ» действиям персонажей. Эпизод обнаружения любовника демонстрирует начинательный (инхоативный) аспект, с которого начинается излагаемая история. Прототип ситуации характеризуется словесной маской героини – манипуляцией сознанием партнеров, демонстрацией сцены на сцене. Последующее свидетельствует о модусе уверенности героини.

А.П. Чехов «Рождественская ночь» (1883). «Это был дурачок Петруша ... Чего-то и он ждал от моря. Длинные руки его держались за весла». Сюжет – жена вместе с соседями ждет мужа (Литвинова) в бурную ночь на берегу моря, он неожиданно возвращается, она выдает разочарование, муж садится в лодку к местному дурачку, жена зовет возвратиться, и муж решает возвратиться, но уже поздно, ибо гребец желает покончить с собой: «Литвинов схватил его за руки и потянул их назад. Но руки были тверды как камень и нелегко было оторвать их от весел». Ситуация эпизода – ожидание, наблюдатель – жена, с чьей точки зрения фактически видятся события. В перспективе сюжета ведущим мотивом оказывается ДЕРЖАТЬ РУКИ НА ВЕСЛАХ, определяющим центр поля этюда. Тогда актуализуется метафора **дурачок в лодке = Харон, перевозчик на тот свет. Этот мотив предстает как словесная маска олицетворения судьбы, определяя портрет третьего участника драмы. Такое истолкование позволяет за формальным аспектом состояния (статальность) в эпизоде усмотреть акциональность предела, предварение финала. Прототипом сцены представляется весть судьбы. Модус эпизода определяется как фатальность драмы судьбы с роковой случайностью. Альтернатива *пустая лодка меняла бы мотивировку финала.

А.П. Чехов «Попрыгунья» (1892). «Тут она легко вздохнула и почувствовала себя навсегда свободной и от Рябовского, и от живописи, и от тяжелого стыда». Сюжет – адюльтер, увлечение художником Рябовским при влюбленности в героиню ее мужа Дымова, умирающего от перегрузки. Ситуация эпизода – решение разорвать с любовником Рябовским и вернуться к мужу Дымову накануне известия о смертельном заболевании мужа. Наблюдателем является героиня, повествующая о себе в 3-м лице как внутренний монолог в виде косвенной речи. Ведущий мотив ЧУВСТВОВАТЬ СВОБОДНОЙ оказывается обозначением тщетных надежд и непоправимости. Словесной маской оказывается одиночество. Смысл раскрывается в соотношении с последующей фразой «Она ... вымазалась во что-то грязное, липкое, от чего никогда уж не отмоешься». Ка-

жушийся терминальним (прекращення прежніх відносин), аспект оказується переходом к новій ситуації. Прототип сцени усматривається в кажущомуся звільненні. Модус епізоду – опроверження планів, демонстрація їх неадекватності.

А.П. Чехов «Баба царство» (1894). *«Она легла, не раздеваясь, и зарыдала от стыда и скуки».* Сюжет – владелица заводу проводить день: получает неожиданную прибыль, предполагает использовать ее для благотворительности, симпатизирует одному из рабочих, встречается с поверенным, которому и достаются деньги, разочаровывается. Ситуация эпизода – подведение итогов дня. Мотив ЛЕЧЬ НЕ РАЗДЕВАЯСЬ обнаруживает смысл в соотношении с ранее приведенным высказыванием «... она поняла ясно, что все то, что она думала и говорила ..., – вздор, глупость и самодурство», представленным как отрывок внутреннего монолога в виде косвенной речи. Словесная маска представляет обманутую жизнь женщины. Аспект формально является терминальным, однако неразрешенность конфликта указывает на продолжение его за пределами повествования. Прототипом служит выражение разочарования в суе, тщетных усилиях. Модус – самоотрицание, самокритика.

В.В. Вересаев «У черного крыльца» (1915). *«В теплой тьме дождь тихо шуршал по листьям. Сильно пахло жасмином и шиповником».* Сюжет: муж и жена на даче, между ними ссоры, муж заботливо усаживает курицу-наседку, жена жалуется мужу на его равнодушие. Ситуация – откровенное объяснение. Наблюдатель – муж. Словесная маска представляет состояние сосредоточенности. Мотивы (*СЛЫШАТЬ) ДОЖДЬ + (*ЧУЯТЬ) ЗАПАХ высвечиваются при соотношении со следующим эпизодом: *«Муся схватила его за руку, прижалась к ней щекою и заплакала еще сильнее»*, где становится очевидным троп ДОЖДЬ = ПЛАЧ. Аспект статальности оборачивается предельностью – доведением напряжения до невозможности далее пребывать в невыясненных отношениях. Прототип предельного напряжения засвидетельствован такой деталью, как заметное наблюдателю шуршание дождя, указывающей на обостренную восприимчивость. Возможная альтернатива обстановки (*В душной жаркой тьме) предполагает иную ситуацию жалобы и выяснения отношений. Модус эпизода – раскрытие намерений.

В.В. Вересаев «Исанка» (1927). *«Она вплотную остановилась перед ним, расставив ноги и засунув руки в карманы потрепанного своего, короткого пальто».* Сюжет – развитие отношений между молодыми: в последнем эпизоде Она для испытания Его представляет себя связанной с Другим. Ситуация эпизода – испытание неверного возлюбленного. Наблюдатель – испытуемый. Мотив ВПЛОТНУЮ + ПОТРЕПАННОЕ ПАЛЬТО (*ПОКАЗАТЬ) задает маску испытания героини, смысл которой раскрывается из соотношения со словами из письма героини: *«... к одиноко сидящим женщинам подходят мужчины».* Прототипом оказывается провоцирование на реакцию в воображаемой ситуации (**Я представила себя тебе неверной, но оказалось, что ты мне неверен). Результат испытания позволяет усматривать здесь аспект скачка в новое состояние (разрыв отношений). Модус эпизода – опровержение лжи (разоблачение лицемерия).

Выводы. Посредническая и мотивирующая роль глагольных словосочетаний подтверждается тем, что сами организующие их глаголы подвергаются эллипсу, передавая роль актуальной предикации именным компонентам. Незримо присутствующие, но не упоминаемые в нарративе глагольные компоненты восстанавливаются в сценической интерпретации.

Отступая в подтекст, глагол передает предикативные функции именным компонентам, которыми описываются мотивы повествовательного текста. Аспекты глаголов, разворачивающиеся в повествовательной перспективе, представляют цели, лежащие в основе ситуации.

Литература:

1. Бережан С.Г. Обусловленность словарного значения глагола его грамматическими особенностями / С.Г. Бережан // Слово в грамматике и словаре / отв.ред. Н.В. Ярцева. – М. : Наука, 1984. – С. 51–59.
2. Бирман С. Труд актера / С.Г. Бирман – М. – Л. : Искусство. 1939. – 136 с.
3. Бондарко А.В. Лимитативность / А.В. Бондарко // Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – Л. : Наука, 1987. – С. 45–98.
4. Киклевич А.К. О номинативных характеристиках предиката / А.К. Киклевич // *Stupskie Prace Filologiczne. Seria Neofilologia* – 2002. – № 1 – S. 61–72.
5. Курбас Л. Лекції з режисури / Л. Курбас // Курбас Л. Из творчої спадщини / Л. Курбас. – К. : Дніпро, 1988. – С. 49–112.
6. Майсак Т.А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции / Т.А. Майсак. – М. : Языки славянских культур, 2005 – 480 с.
7. Мордвинов А.Б. Формирование темпоральной семантики в тексте рассуждения / А.Б. Мордвинов // Синтаксис текста. – М. : Наука, 1979. – С. 214–225.
8. Падучева Е.В. О семантическом подходе к синтаксису: генитивный субъект глагола быть / Е.В. Падучева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития : доклады Всесоюзной научной конференции (Москва, 20–23 мая 1991 г.). – М., 1991. – Ч. 2 : Современные исследовательские методы. Русский язык в межнациональном общении. Русский язык в учебном процессе. – 1991. – С. 34–45.
9. Сеничкина Е.П. Местоименный предикат того как средство семантики умолчания / Е.П. Сеничкина / Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты : материалы Всероссийской научной конференции (Пенза, 12–16 ноября 2002 г.) / отв. ред. проф. А.В. Пузырев. – М. ; Пенза : Институт языкознания РАН ; ПГПУ имени В.Г. Белинского ; Пензенский ИПКиПРО, 2002. – С. 109–110.
10. Станиславский К.С. Беседы К.С. Станиславского в студии Большого театра в 1918–1922 гг. Записаны заслуженной артисткой РСФСР К.Е. Антаровой / К.С. Станиславский, К.Е. Антарова. – М. : Искусство, 1952. – 180 с.
11. Тянь Аошун. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя. На примере китайского языка / Тянь Аошун. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 896 с.
12. Теркулов В.И. К определению глагола: лингвально-когнитологический подход / В.И. Теркулов // *Лінгвістичні студії*. – Вып. 26. – К., 2013. – С. 60–65.
13. Юдкин И.Н. «Сцена на сцене» и «словесная маска» в отечественной новеллистике XX в. / И.Н. Юдкин // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве. – Тверь : Тверской гос. университет, 2014. – Вып. 5 (11). – С. 71–78.
14. Юдкин-Рипун И.Н. Коммуникативные ситуации новеллистического текста как интерпретационный фактор / И.Н. Юдкин-Рипун // Семантика и прагматика языковых единиц : тезисы докладов Международной научной конференции (Минск / Беларусь, 11–12 мая 2015 г.). – Минск, 2015. – С. 96–97.
15. Юдкин-Рипун И.Н. Категориальная ситуация в единице повествовательного текста и сценический этюд / И.Н. Юдкин // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект : материалы Одиннадцатой международной научной конференции (г. Владимир, 29 сентября – 01 октября). – Владимир : Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, 2015. – С. 626–630.

16. Юдкин-Рипун И.Н. Несобственно-прямая речь в аспектуально-таксисных ситуациях прозы Н.С. Лескова / И.Н. Юдкин // Пленарные и секционные доклады VIII Международной научной конференции «Язык, культура, общество» (Москва 14–16 октября 2015 г.). – М., 2015. – С. 122–129.
17. Яхонтов С.Е. Категория глагола в китайском языке / С.Е. Яхонтов ; отв. ред. Н.А. Петров. – Л. : Изд. Ленинградского университета, 1957. – 180 с.

Юдкин-Рипун І. М. Дієслівна семантика і сценічна інтерпретація оповідного тексту

Анотація. Розшарування дієслів за мірою узагальненості зумовлює продуктивність комплетивних словосполучень як знаків ситуацій. У стійких словосполученнях дієслово може елімінуватися, передаючи предикативні функції доповненням та обставинам. У перспективі оповіді дієслівні словосполучення позначають мотиви як носії аспектів, що визначають перебіг дії й самі змінюються в ньому.

Ключові слова: семантичний синтаксис, займенниково-дієслово, аспектологія, граматикалізація, ідіоматизація, словосполучення, ситуація, словесна маска.

Yudkin-Ripun N. The semantics of verbs and a script interpretation of a narration

Summary. The stratification of verbs according to the degree of generalization or specialization of their meanings enables the productivity of completive collocations as the situational designations. A verb as a generative source of such collocations can be eliminated and deliver its predicative function to objects and circumstances. The verbal collocations designate motifs within textual perspective as the aspectual vehicles that exert their impact upon the action's development being reinterpreted simultaneously.

Key words: semantic syntax, pronominal verb, aspectology, grammaticalization, idiomatization, collocation, situation, verbal mask.